

ШИКАЛОВ Юрий Геннадьевич / SHIKALOV Yuri
Университет Восточной Финляндии / University of Eastern Finland
Финляндия, Йоэнсуу / Finland, Joensuu
yury.shikalov@uef.fi

**ОТ «МИЛОСТИ БОЖЕСКОЙ» — К ВОЛЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ.
РЕГУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ И В БЕЛОМОРСКОЙ
КАРЕЛИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ**

FROM THE “GRACE OF GOD” TO THE WILL OF MAN. BIRTH CONTROL
IN RUSSIA AND IN THE WHITE SEA KARELIA IN THE LATE 19th —
EARLY 20th CENTURY

Abstract: The article is a slightly revised excerpt from the author's dissertation. It was published in Finland in 2007. The title for this work was a Karelian proverb, which literally sounds like “A cuckoo in the forest is joy, a child in the family is joy.” The dissertation considered issues related to the birth of children, infant mortality and illegitimate children in peasant families of the White sea Karelia in the second half of the 19th – early 20th century. The work was published in Finnish and now it is currently being translated into Russian. This article presents a brief outline of methods of birth control in peasant families in the study period.

Ключевые слова / Keywords: Регулирование рождаемости, контрацепция, аборт, крестьянская семья, Россия, Беломорская Карелия / Birth control, contraception, abortion, peasant family, Russia, White sea Karelia

От стихийного процесса к искусственному урегулированию

По определению историка Бориса Миронова, издавшего в конце прошлого века фундаментальный труд по социальной истории Российской империи, репродуктивное поведение, или говоря иначе — забота о продолжении рода, определяется демографическим менталитетом общества¹. Выражение «демографический менталитет» можно вкратце пояснить словами: отношение к деторождению. Типичный для русского крестьянства в XIX столетии высокий уровень рождаемости создает впечатление, что в крестьянском сообществе на продолжение рода не влияли никакие ограничения, и крестьяне никак не пытались ограничить количество детей.

Борис Миронов в своем раннем труде о демографическом поведении крестьянства в России характеризует тогдашнее «воспроизводство» в русских крестьянских семьях словами «стихийный процесс»². Позднее Миронов дает следующее определение демографического менталитета русских крестьян: «Освященный церковью брак и рожденные в нем дети — святое дело. Православный

¹ *Миронов Б.* Социальная история России периода Империи (XVIII–XX вв.). СПб., 1999. Т. 1. С. 160.

² *Его же.* Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX – начале XX в. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. М., 1977. С. 98–99.

человек обязан иметь семью и детей, и чем раньше, тем лучше. Холостое состояние безнравственно. Дети — Божья благодать, противодействовать каким бы то ни было способом зачатию и рождению — грех. Детей рождается и умирает столько, сколько Богу угодно»³.

Очевидно, что Миронов был прав в своих определениях. Тем не менее, некоторые сведения, приводимые медиками и этнографами того времени, говорят о том, что крестьяне далеко не всегда смирялись со «стихийностью процесса» или Божьей волей, а стремились тем или иным образом ограничить количество детей. Подобное стремление существовало в человеческом обществе издревле. Американский социолог и экономист Норман Химес (Norman Himes), написавший историю контрацепции еще в 1930-х годах, приводит в своей книге массу всевозможных способов, к которым женщины разных стран прибегали с целью предотвращения беременности на протяжении сотен лет. Обычная вода, *coitus interruptus* или прерванный половой акт и многие другие уловки применялись людьми уже задолго до начала XX века⁴.

Несмотря на определенный фатализм по отношению к деторождению, крестьяне в России тоже не были абсолютно пассивны в вопросах ограничения рождаемости. Доктор Василий Демич в своем обширном труде «Очерки русской народной медицины», изданном в 1889 г., приводит внушительный список снадобий, которые крестьянки употребляли, когда хотели избежать нежелательной беременности или прервать ее. Большая часть этих «противозачаточных средств» и средств для умерщвления зародыша в утробе матери представляла собой растительные настои. Среди снадобий встречались и весьма ядовитые, такие, например, как ртуть и свинцовые белила. Применялась и обычная вода. В некоторых местностях женщины, например, верили, что если с утра выпить на пустой желудок стакан горячей воды, то это предотвращает зачатие⁵.

В русских крестьянских семьях, пожалуй, самым известным способом регулирования рождаемости было увеличение срока кормления грудью⁶. Крестьянки намеренно годами не отучали детей от груди, если они не хотели, чтобы следующая беременность наступила слишком скоро. Это давало хорошие результаты, поскольку, по данным российских докторов, примерно у 80% кормящих матерей не наблюдалось менструаций в периоды грудного кормления⁷. Способ этот был издавна широко известен во всем мире⁸. Им пользовались и женщины Финляндии. В финских провинциях в конце XIX века этнографами был проведен опрос, одним из вопросов которого звучал следующим образом: «Что надо делать слишком

³ *Его же*. Социальная история России... С. 166–167.

⁴ Himes N. E. Medical history of contraception. New York, 1970. С. 175.

⁵ Демич В. Очерки русской народной медицины. 1. Акушерство // Врач. 1889. № 9–11. С. 226.

⁶ Федоров В. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX — начало XX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1994. № 4. С. 17; Балов А. Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 3. С. 99–100.

⁷ Миронов Б. Социальная история России... С. 185.

⁸ Himes N. Medical history of contraception. 1970. С. 66–67.

плодовитым женщинам, чтобы избежать беременности?». Самым распространенным ответом было кормить ребенка грудью два — три года после рождения⁹.

Православная церковь осуждала подобное поведение. По церковным канонам естественный период грудного кормления не должен был быть продолжительнее, чем время между двумя Великими постами, т. е. не более двух лет. Если мать не отрывала ребенка от груди по истечении этого срока, то это считалось грехом¹⁰. Это, однако, не останавливало крестьянских женщин, устававших от постоянных «сносей» и родов, и некоторые из них продолжали кормить детей грудью иногда даже в течение четырех, а то и пяти лет. Если же свой ребенок больше не желал сосать грудь, то в качестве «младенцев» использовали даже щенков, не говоря уже о прочих противоестественных способах замены грудного кормления¹¹.

Наряду с искусственным удлинением сроков грудного кормления употреблялись и другие способы предотвращения беременности. Разумеется, невозможно выяснить, как часто и какие способы контрацепции крестьяне России использовали во время любовных утех. Об этих деликатных делах не говорили никому, поскольку занятие сексом ради секса считалось грехом и любые противозачаточные средства осуждались церковью. Например, прерванный половой акт был признан греховным уже в книге Ветхого Завета¹². Церковные нормы, осуждавшие любые «плотские страсти», тем не менее не всегда были властны предотвратить греховные связи. По данным социолога и антрополога Игоря Кона в российских деревнях сексуальная жизнь была довольно свободной, особенно среди молодежи¹³.

Аборты

Традиционные способы контрацепции, к которым крестьяне прибегали в XIX столетии, отнюдь не всегда были эффективными и зачастую не спасали от беременности. У женщин в случае неудачи с предохранительными мерами было два выхода: либо подчиниться «Божьей воле» и родить, либо попробовать прервать нежелательную беременность. Собственно, термин «аборт» становится известным

⁹ Архив Финского Литературного общества (KRA, SKS): Duodecim E 188, 189.

¹⁰ Афиногенов А. Жизнь женского населения Рязанского уезда в период детородной деятельности женщины и положение дела акушерской помощи этому населению. СПб. 1903. С. 98–99; Чарушин А. Уход и воспитание детей у народа // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 18. С. 599.

¹¹ Миронов Б. Социальная история России... 1999. С. 185.

¹² Ветхий Завет. Бытие 38: 8–10: «8. И сказал Иуда Онану: войди к жене брата твоего, женись на ней, как деверь, и восстанови семя брату твоему. 9. Онан знал, что семя будет не ему, и потому, когда входил к жене брата своего, изливал [семя] на землю, чтобы не дать семени брату своему. 10. Зло было пред очами Господа то, что он делал; и Он умертвил и его».

¹³ Кон И. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке. М., 1997. С. 38–42.

в российской науке лишь в начале XX века. До этого говорили об «истреблении плода» или об «искусственном выкидыше»¹⁴.

В народе было известно множество способов истребления плода. Например, упомянутый выше доктор Демич приводит пример, как 28-летняя «многороженица» пыталась избавиться от беременности: «1) несколько дней подряд пила утором раствор серого мыла, отчего ее слабило, порою рвало, и только; 2) пила раствор синьки, тоже напрасно; 3) принимала по полрюмки порошу вместе с водкою, тоже без результата; 4) усиленно мяла и била кулаком низ живота до того, что кровь показалась в половых частях, и все-таки беременность шла своим чередом и кончилась нормальными родами, двойней»¹⁵.

Несчастливая женщина использовала только малую часть из обширного арсенала средств, применявшихся в народе для прерывания беременности. К счастью, упомянутые доктором средства отличались относительной безопасностью и не привели к смерти «многороженицы». Нередко результаты были гораздо более трагичными, поскольку отчаявшиеся женщины прибегали к крайне опасным для жизни способам прерывания беременности. Как писал доктор Афиногенов в своей диссертации, посвященной изучению жизни женщин Рязанского уезда, на первом месте в списке этих способов стояли «механические» действия, а именно «поднимание тяжестей, прыгание со стола или скамейки, тугое бинтование и разминание живота». Эти способы тоже отличались относительной безопасностью, но если они не помогали, то прибегали к более радикальным методам. Использовались средства, «находившиеся под рукой»: «травы, толченый янтарь, порох, иногда и живая ртуть». В начале XX столетия, по наблюдениям доктора, участились случаи употребления внутрь фосфора. Фосфор употреблялся «в виде настоя головок от простых серных спичек». Доктор констатирует, что фосфор действительно убивал плод, но при этом чаще всего погибала и сама женщина¹⁶.

Женщины вынуждены были прибегать к таким рискованным способам умерщвления плода, поскольку проведение абортов законно, у специалистов, было запрещено. Российское законодательство позволяло делать аборт только в тех случаях, когда беременность угрожала жизни женщины. Даже это послабление было сделано лишь в конце XIX века. При этом операцию могли делать только врачи, которых в российской провинции было крайне недостаточно. В российской глубинке большую часть родов у крестьянских женщин принимали специально обученные на курсах повитухи. По закону они не имели права «ни по чьей просьбе

¹⁴ Линский А. Выкидыш // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1892. Т. VII. С. 510–511; Г. С. [Слиозберг Г. Б.] Вытравление плода // Там же. С. 568–569.

¹⁵ Демич В. Очерки русской народной медицины. С. 226.

¹⁶ Афиногенов А. Жизнь женского населения Рязанского уезда... 1903. С. 58–59; Логинев К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 26–27.

употреблять никаких средств для предотвращения преждевременного от беременности разрешения». Напротив, повитухи были обязаны «доносить немедленно надлежащему начальству» о любых случаях проведения аборт и даже о просьбах об истреблении плода¹⁷.

Против абортов было настроено и само деревенское общество. Сельская община жила в условиях постоянного социального контроля, и скрыть последствия любовных утех от бдительных глаз родственников и односельчан было абсолютно нереально. При этом отношение крестьян к добрачным половым связям было довольно лояльным. Добрачная беременность не вызывала особого осуждения. Напротив, считалось, что таким образом будущая жена доказывала свою способность к продолжению рода. Однако прерывание беременности совершенно не одобрялось. Если крестьяне замечали, что незамужняя женщина «понесла», то она сразу становилась объектом пристального внимания. За беременностью незамужних следили не только родственники, но и местные чиновники и даже полиция.¹⁸ Естественно, что в таких условиях внезапно прервавшаяся беременность сразу же вызывала подозрение и могла привести к судебному расследованию.

Женщин, отважившихся на «истребление плода» и затем попавших в руки правосудия, ожидали строгие наказания. Виновных в проведении аборта наказывали ссылкой в Сибирь на несколько лет. Суду подвергались и те, кто помогал избавиться от нежелательной беременности. Их тоже ожидала ссылка в Сибирь. При этом наказание ужесточалось, если в производстве аборта были уличены специалисты, т. е. врачи, акушерки, повитухи или фармацевты¹⁹.

Закон и общественный контроль, тем не менее, были не в состоянии остановить роста количества абортов в России во второй половине XIX столетия. По словам историка Бориса Миронова, именно в это время сотни тысяч женщин Российской империи начали задумываться о том, как облегчить бремя материнства и уменьшить количество детей²⁰. Перемена в сознании крестьян была настолько существенной, что в 1903 г. известный российский религиозный философ и публицист Василий Розанов издает фундаментальный труд под названием «Семейный вопрос в России», в котором он рассматривает проблемы семейной жизни и нормы морали во взаимоотношениях полов с философской точки зрения. В 1909 г. Розанов написал также статью о снижении рождаемости в западноевропейских семьях, в которой он попытался рассмотреть причины этого

¹⁷ Женское право. Свод узаконений и постановлений, относящихся до женского пола. СПб., 1873. С. 269, 272.

¹⁸ Листова Т. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей. Русский Север. Этническая история и народная культура XII–XX века. М., 2004. С. 579–580.

¹⁹ Линский А. Выкидыши; Г. С. [Слиозберг Г. Б.] Вытравление плода.

²⁰ Миронов Б. Социальная история России... 1999. С. 183–184.

явления. По мнению Розанова «жирные курицы не несут яиц», т. е. рост благосостояния населения был основной причиной того, что, например, во Франции рождаемость резко упала. Философ считал, что в России кризис рождаемости в семьях интеллигенции был вызван аналогичными причинами: «бедные размножаются, а богатые — нет»²¹.

В российской провинции улучшение благосостояния или образованности населения вряд ли представляли угрозу снижения рождаемости. Основной причиной, вызывавшей рост количества аборт в крестьянских семьях, были изменения, происходившие в это время сфере трудовой деятельности крестьян. Освобождение крестьян от крепостного права, индустриализация экономики, урбанизация населения и его возросшая мобильность порождали в крестьянской среде определенные социальные проблемы, приводившие к увеличению количества аборт. Так, по мнению демографа Анатолия Вишневого, отходничество в «наиболее промысловых районах» нередко превращало брак в «фикцию». Например, в 1895 году было подсчитано, что в семьях, в которых отходничество являлось основным средством существования, детей было на 43% меньше, чем в «оседлых» семьях²².

Можно предположить, что причиной подобного явления были длительные разлуки супругов, продолжавшиеся месяцами. Отходники находились большую часть времени вне дома и поэтому реже вступали в интимные отношения со своими женами. Второй причиной падения рождаемости в семьях отходников, очевидно, служило то, что мужская половина в них была более сведущей в вопросах контрацепции. Работа в крупных городах и жизнь в чисто мужских артелях являлась и своего рода «школой половой жизни» для молодых крестьян.

На количество аборт влияло также положение женщин. Российский юрист Михаил Гернет докладывал на совещании русской группы Международного Союза криминалистов в 1916 году, что в массе женщин, прибегавших к абарту, имелось два господствующих типа. Первый — это «девушка без сбережений, незамужняя, сама зарабатывающая себе на хлеб», и второй тип — это «замужняя женщина около 40 лет, имеющая нескольких детей», которой было трудно «свести концы с концами и при имеющихся детях»²³.

²¹ Розанов В. Семейный вопрос в России. М., 1903; Розанов В. Старая и молодая Россия. Статьи и очерки. М., 1909. С. 223–224.

²² Вишневский А. Появление внутрисемейного регулирования деторождения // Воспроизводство населения СССР. М., 1983. С. 148.

²³ Гернет М. Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения. Отчет X общего собрания русской группы Международного союза криминалистов 13–16 февраля в Петрограде. Пг., 1916. С. 241–242.

К первой категории относились, обычно, молодые крестьянки, перебравшиеся в город на заработки. Эти девушки устраивались, как правило, служанками в богатые дома и нередко становились жертвами сексуальных домогательств со стороны своих работодателей. Прижитый ребенок мог стоить им работы и репутации, и поэтому они и старались избавиться от нежеланного плода как можно скорее. Таких женщин в конце XIX – начале XX столетия становилось все больше. Ко второй категории можно отнести крестьянских матерей из бедных семей, уставших от постоянных беременностей и тягот по уходу за малыми детьми.

Растущее количество случаев «истребления плода» в домашних условиях приводило к смерти сотен и сотен женщин в России. Сложившаяся ситуация вызвала озабоченность в среде российских медиков и юристов, которые пытались решить проблему путем узаконения аборт. Их старания начали приносить некоторые положительные результаты. В конце XIX столетия в законодательстве России наблюдается некоторое смягчение по отношению к аборт. Судебные органы при рассмотрении дел по «искусственным выкидышам» стали принимать во внимание причины и обстоятельства, приведшие к уничтожению плода. К примеру, к незамужним женщинам применялись более мягкие наказания, чем к тем, кто совершал аборт в замужестве²⁴.

Новое законодательство, принятое в 1903 году, вообще значительно облегчило наказания, присуждаемые за аборт. Одновременно начало утверждаться мнение, что борьба с этим злом с помощью законов и судов является безрезультатной и даже вредной. Юристы в конце концов вынуждены были признать, что страх предстать перед судом заставляла несчастных женщин обращаться к тайным «специалистам» либо делать аборт самостоятельно, что только увеличивало число смертельных исходов²⁵.

Профессор-юрист Михаил Гернет поднял вопрос об узаконении абортов на упомянутом выше совещании Союза криминалистов, проходившем в Санкт-Петербурге в 1916 году. В докладе, сделанном на этом совещании, профессор в очередной раз подчеркнул, насколько убийственным являлось законодательство, заставлявшее женщин совершать тайные аборт. Гернет отмечал, что «отмена преступности аборта сохранит больше человеческих жизней, чем охраняет теперь уголовный кодекс жизней эмбриона». Участники совещания одобрили представленные Гернетом предложения по изменению законодательства в отношении искусственного прерывания беременности²⁶. Ситуация, тем не менее, не изменилась, и до полного разрешения абортов дело так и не дошло. Аборт в

²⁴ Г. С. [Слюзберг Г. Б.] Вытравление плода. С. 569.

²⁵ Энциклопедический словарь Товарищества «Бр. А. и И. Гранат и Ко»: Репринтное издание. М., 1996. Том 12. С. 101.

²⁶ Гернет М. Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения. 1916. С. 237–239.

императорской России оставались вне закона и были легализованы лишь в советской России, в 1920-х годах²⁷.

Причиной того, что аборт не удалось убрать из категории преступных деяний, была, очевидно, церковь. Позиция церкви в этом отношении оставалась непоколебимой: аборт — это убийство. По учению православной церкви считалось, что человек получает душу от Бога будучи еще во чреве матери, во второй половине беременности, когда плод начинает двигаться. Это утверждение объясняло, почему православное общество относилось к аборту, как к убийству. Аборт, как и всякое другое убийство, «уничтожал душу» и поэтому должен был быть уголовно наказуем²⁸. Более того, церковь считала, что матери, убивающие своих зародышей, являются убийцами вдвойне, поскольку они не только убивают своих детей, но и пытаются совершить самоубийство. По церковным канонам виновны и наказуемы были и те люди, которые помогали несчастным женщинам избавляться от нежелательной беременности²⁹.

Официально разрешенные аборт совершались в России крайне редко. По данным историка Бориса Миронова в 1840–1890 годы во всех родильных учреждениях Российской империи было зарегистрировано лишь 247 случаев разрешенных абортов, произведенных по причине угрозы жизни роженицам³⁰. Эти зарегистрированные аборт представляли собой вершину айсберга, ибо количество незаконных абортов превышало их во много сотен раз. По подсчетам профессора Гернета в начале XX столетия в одной лишь Москве производилось около 10 000 абортов ежегодно, а во всей империи это число было несравнимо больше³¹.

Подсчитать сколько тысяч младенцев было убито в утробе и сколько женщин погибло при попытках избавиться от нежеланных детей было совершенно невозможно. Незаконные аборт проводились в глубокой тайне, и лишь незначительная часть преступлений, связанных с «искусственными выкидышами», становилась известной правосудию. Тем не менее, аборт являлся одним из самых распространенных причин, за которые российские женщины получали уголовное наказание. По данным статистики, например, в 1910 году искусственное прерывание беременности стояло на третьем месте в списке преступлений, совершенных женщинами. Первые два места в этом списке занимали детоубийство и воровство³².

²⁷ Миронов Б. Социальная история России... 1999. С. 182.

²⁸ Листова Т. Обряды и обычаи... 2004. С. 578–579.

²⁹ Булгаков С. Настольная книга для священно-церковно-служителей. 2-е изд. М., 1993. Ч. II. С. 971.

³⁰ Миронов Б. Социальная история России... 1999. С. 181.

³¹ Гернет М. Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения. 1916. С. 237–239.

³² Хвостов В. Женщина и человеческое достоинство. М., 1914. С. 368.

Регулирование рождаемости в Беломорской Карелии

Подсчеты, проведенные автором по данным метрических книг карельских приходов Кемского уезда, показали, что рождаемость в Беломорской Карелии была значительно ниже, чем на Европейской территории России вообще. В Беломорской Карелии средний показатель рождаемости в период с 1876 по 1904 год был всего лишь около 35‰, тогда как на Европейской территории России этот показатель был близок к 50‰. В то же время карельские крестьянки рожали практически столь же часто, как и женщины в финской провинции Кайнуу, расположенной по соседству с Беломорской Карелией (см. график). Поскольку в Кайнуу рождаемость не особенно отличалась от средней рождаемости в сельской местности Финляндии, то, можно сказать, что рождаемость в семьях Беломорской Карелии была на одном уровне со средними показателями рождаемости в Финляндии. В Великом княжестве эти показатели в конце XIX столетия находились примерно на уровне 35‰³³.

Рождаемость в Беломорской Карелии и соседних регионах в 1876–1904 гг.

Источники: Вишневский А. Появление внутрисемейного регулирования деторождения. // Воспроизводство населения СССР. Москва, 1983. С. 133; Strömmer A. Väestöllinen muuntuminen Suomessa. Tornio, 1969. S. 167, 171; Метрические книги приходов Кемского уезда за 1876–1904 гг., микрофильмы KAR 8–29, региональный архив г. Йоэнсуу (JoMA).

В Финляндии в начале XX столетия наблюдаются довольно значительные изменения в показателях рождаемости. Эти изменения были связаны с распространением в семьях способов искусственного ограничения количества детей. Происходил переход к искусственному регулированию рождаемости. Этот процесс

³³ Strömmer A. Väestöllinen muuntuminen Suomessa. Tornio. 1969. S. 34, 167, 180–181; Turpeinen O. Lastensuojelu ja väestökehitys // Suomen lastensuojelun historia. Helsinki, 1987. S. 355; Turpeinen O. Kainuun historia II. Väestö ja talous 1721–1982. Kajaani, 1985. S. 51, 232–233; Koskinen S. et al. Suomen väestö. Hämeenlinna 1994. S. 316.

являлся частью глобальных изменений в демографическом поведении населения Западной Европы вообще и получил название «демографического перехода»³⁴. Во время демографического перехода неустойчивый баланс высокой смертности и высокой рождаемости населения менялся на более стабильный баланс низкой смертности и низкой рождаемости. В западноевропейских странах демографический переход происходил в течение XIX века, местами в начале XX века. В сельских регионах Финляндии радикальные изменения в показателях рождаемости и смертности начались в начале 1900-х годов, а в городах — на десяток лет раньше³⁵.

В Финляндии, как и во всей Российской империи, в конце XIX столетия тоже наблюдался рост количества аборт. Особенно эта тенденция была заметна в Выборгской губернии и в провинции Южное Саво³⁶. Ранее, в период шведского владычества, финские крестьянки редко осмеливались прибегать к уничтожению плода, поскольку по шведскому закону от 1734 года аборт приравнивался к детоубийству и наказывался смертной казнью. К смерти приговаривались и люди, помогавшие в совершении абортов. По этой причине финские роженицы старались избавиться от нежеланных детей уже после их рождения. Обычным способом в этих случаях было намеренно плохой уход за младенцем³⁷.

После присоединения Финляндии к Российской империи смертная казнь за аборты была заменена каторжными работами в Сибири³⁸. Это несомненно повлияло на увеличение количества абортов. Как и повсюду в России, в финских крестьянских семьях искусственное прерывание беременности удавалось далеко не всегда. Если нежеланный ребенок все-таки появлялся на свет, то последним средством избавиться от него было убийство. Обычным способом убийства было так называемое «засыпание» ребенка. Младенца душили, а в суде объясняли, что произошел несчастный случай: уставшая от дневных забот мать взяла плачущего ребенка из колыбели к себе в постель и заснув нечаянно придушила его своим телом. Условия проживания нередко позволяли замаскировать эти преступления под такие несчастные случаи³⁹.

Причинами демографического перехода обычно считаются развитие промышленности, переход общества от традиционного аграрного к современному промышленному строю, улучшение социальных условий жизни, урбанизацию.

³⁴ Helsti H. Kotisynnytysten aikaan: etnologinen tutkimus äitiyden ja äitiysvalistuksen konflikteista. Helsinki, 2000. S. 220–221; Notkola I-L. Luonnollisesta hedelmällisyydestä lapsirajoitukseen: mikrodemografinen tutkimus hedelmällisyyden transitiosta. Helsinki, 1989. S. 153; Pitkänen K. Suomen väestön historialliset kehityslinjat // Suomen väestö. Hämeenlinna, 1994. S. 53–55.

³⁵ Strömmer A. Väestöllinen muuntuminen Suomessa. S. 9; Notkola I-L. Hedelmällisyys // Suomen väestö. Hämeenlinna, 1994. S. 67–68.

³⁶ Kaukiainen Y. Miksi kansa lisääntyi // Historiallinen aikakauskirja. Helsinki, 1973. S. 118.

³⁷ Ketola O. Lapsenmurhat ja lasten sekä nuorten itsemurhat Suomessa 1751–1980. Turku, 1989. S. 61.

³⁸ Pulma P. Kerjuuluvasta perhekuntoutukseen // Suomen lastensuojelun historia. Helsinki, 1987. S. 50–51.

³⁹ Hämäläinen-Forslund P. Maammon marjat. Entisaikain lasten elämää. Porvoo, 1987. S. 14–16.

В Беломорской Карелии эти факторы не могли повлиять на демографический менталитет жителей, поскольку ни здесь не было ни городов, ни промышленных предприятий. Очевидно, что на падение рождаемости в карельских селах Кемского уезда оказывало влияние усиление связей карельских крестьян с Финляндией.

В конце XIX – начале XX столетия главную роль в экономике многих карельских семей занимает разносная торговля или «коробейничество». Практически каждый молодой карел успевал не один раз «сходить с товаром» в Финляндию и даже в Швецию до того, как он образовывал свою семью. Коробейники ходили не только по деревням, но вели торговлю и в городах. Так финские обычаи и семейные нравы становятся знакомыми многим карельским семьям. Не удивительно, что демографический менталитет населения Беломорской Карелии начал повторять черты демографического менталитета населения восточных регионов Финляндии.

Еще одним показателем близости демографического менталитета беломорских карел к менталитету населения Западной Европы была относительно низкая младенческая смертность. Анализ метрических книг этих карельских приходов Кемского уезда показал, что в 1875–1905 младенческая смертность в Беломорской Карелии находилась в среднем на уровне близком к 100‰, иногда опускаясь даже до 50‰. В то же время младенческая смертность по всем европейским губерниям России никогда не опускалась ниже 230–240‰, а в некоторые годы превышала и 300‰.⁴⁰

На удивительно низкие показатели младенческой смертности в Кемском уезде обращали внимание и доктора, работавшие в Архангельской губернии. Так по оценкам доктора Ульриха в Кемском уезде в 1860-х годах доля умерших до года младенцев составляла лишь около 20%, тогда как в среднем по губернии это число нередко превышало 30%, а во многих российских губерниях доля умерших младенцев часто составляла 50–60% от числа всех умерших. По наблюдениям Ульриха особенно в карельских и саамских семьях Кемского уезда младенческая смертность была очень низкой для своего времени. В поморских семьях уезда младенцы умирали примерно в три раза чаще, чем в семьях карел и саамов⁴¹. Статистик и товарищ председателя Архангельского губернского статистического комитета Герард Минейко, в свою очередь, отмечал, что в уезде в 1870–1880-х годах доля младенцев, умерших в возрасте до одного года, составляла всего 24% от всех

⁴⁰ Новосельский С. Обзор главнейших данных по демографии и санитарной статистике России // Календарь для врачей всех ведомств. Пг., 1916. Ч. 2. С. 64–65.

⁴¹ Ульрих Ф. Кемский уезд и рыбные промыслы на Мурманском берегу во врачебном и экономическом отношении // Записки ИРГО по отделению статистики. СПб., 1878. Т. 5. С. 81, 83.

умерших, тогда как в других регионах Архангельской губернии соответствующее число нередко достигало 50%⁴².

В условиях почти полного отсутствия медицинской помощи в регионе подобную картину можно объяснить лишь тем, что карельские дети находились в более благоприятных условиях и получали лучший уход в первые, решающие месяцы жизни, чем их русские сверстники. Сексуальная активность крестьян находилась в тесной связи с трудовым циклом. По этой причине в сельскохозяйственных областях России большая часть зачатий приходилась на период осени, когда завершались полевые работы и игрались свадьбы. Следствием был пик рождаемости в летние месяцы.

Родившиеся летом младенцы, как правило, получали плохой уход, поскольку во время страды у матерей просто не было ни сил, ни времени для новорожденных. Младенцев часто оставляли под присмотром малолетних нянек и немощных стариков, а материнское молоко нередко заменялось прокисшим питанием из рожков и всяческими «жевками», убивавшими младенцев не хуже, чем эпидемии. Не удивительно, что в летние месяцы в европейских районах России наблюдался пик младенческой смертности

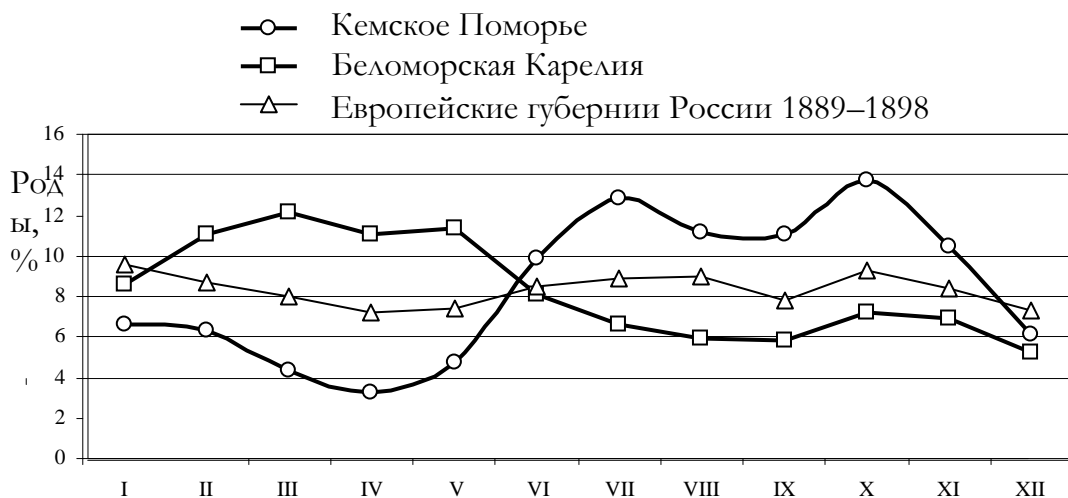
В хозяйствах беломорских карел, где земледелие не имело решающей роли, страдная пора была менее напряженной, и у матерей было больше времени для ухода за младенцами. Кроме того, «календарь рождаемости» в Беломорской Карелии представлял собой почти прямо противоположную картину внутригодовому распределению родов в селах Поморья и губерниях Европейской России вообще (см. график). Разносная торговля и лесозаготовительные работы, являвшиеся основными занятиями карел, разлучали семейные пары на многие месяцы. Естественно, что сексуальная жизнь в карельских семьях замирала в периоды сезонных работ, оживляясь вновь по мере возвращения мужчин с промыслов.

В Беломорской Карелии пик рождаемости приходился на конец зимы, когда рождались дети, зачатые весной. Именно весной большинство карельских корабейников возвращалось домой из Финляндии. Одновременно возвращались домой и крестьяне, занятые на лесозаготовках и перевозках грузов. Не удивительно, что в это время сексуальная жизнь в карельских семьях оживлялась. Подъем рождаемости наблюдался и в конце весны, когда рождались дети, зачатые летом. Пик летней сексуальной активности карельского населения можно объяснить тем, что в это время в Карелии игралось много свадеб. Осенью же, когда русский крестьянин-землепашец, по выражению Ольги Семеновой-Тянь-Шанской был совершенно

⁴² Минейко Г. Особенности смертности сельского населения в уездах Архангельской губернии // Протоколы и труды Общества Архангельских врачей за 1886 год. Архангельск, 1887. Вып. 2. С. 148.

«неукротим» в половой жизни⁴³, беломорские карелы отправлялись в Финляндию и сексуальная жизнь карельских пар затихала.

Распределение родов по месяцам

Источники: Метрические книги приходов Кемского уезда за 1873–1882 г. Региональный архив г. Йёнсуу, *JoMA*, mf. KAR 6–13; *Афиногенов А.* Жизнь женского населения Рязанского уезда... С. 45–46.

Таким образом большинство карельских младенцев начинало свою жизнь весной. И если для русских крестьян-землепашцев конец зимы и весна были далеко не лучшим временем для рождения ребенка, поскольку в это время года во многих хозяйствах заканчивались запасы продовольствия, то в семьях беломорских карел занятия разносной торговлей опять же приводили к тому, что весна являлась для карел временем «сбора урожая». Именно в это время коробейники возвращались домой с выручкой. Кроме того, в этот период от женщин не требовалось особых усилий по ведению хозяйства, и у матерей было достаточно времени для кормления новорожденных грудью и ухода за ними. Это давало карельским детям больше шансов остаться в живых.

В отношении искусственного регулирования рождаемости можно предположить, что обширная география отходничества и длительное нахождение молодых людей в мужских коллективах влияли на сексуальную жизнь в карельских семьях. Карельские подростки, уходившие со старшими товарищами торговать на многие месяцы в города и села Финляндии и Швеции, а также в Санкт-Петербург, наверняка получали более обширное «сексуальное образование», чем их сверстники из глухих русских деревень, жители которых не занимались отходничеством. Недаром карельские девушки предпочитали выбирать в спутники жизни юношей,

⁴³ *Семенова-Тянь-Шанская О.* Жизнь «Ивана» — очерки из быта крестьян одной из черноземных губерний. Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1914. Т. 39. С. 59.

ходивших торговать в Финляндию, тогда как не бывавшие в таких походах, виделись им «плохими» женихами⁴⁴.

Конечно, предпочтение «коробейникам» отдавалось, прежде всего, из-за их лучших возможностей обеспечить семью. Однако, можно предположить, что здесь имели влияние и некоторые навыки обхождения с представительницами противоположного пола, полученные юношами в торговых артелях. При этом некорректно утверждать, что в среде карельских крестьян получили широкое распространение средства искусственного регулирования рождаемости. Сведения о способах контрацепции и абортах, применявшихся крестьянами в семьях Беломорской Карелии, являются крайне скудными. Тогдашнее воспитание накладывало табу на сферу жизни, связанную с воспроизведением потомства, и поэтому карельские женщины не рассказывали о способах предотвращения или прерывания беременности даже близким родственникам.

В архивных источниках сохранились лишь отрывочные упоминания о способах искусственного регулирования рождаемости, применявшихся в карельских семьях. Так, имеются сведения о том, что по примеру многих других женщин того времени, карельские крестьянки тоже искусственно удлиняли периоды кормления младенцев грудью с целью предотвращения следующей беременности. Это считалось грехом, но отнюдь не останавливало крестьянок, утомленных частыми родами и обремененных большим количеством детей. Например, крестьянка Марья Вайсянен из села Ведлозеро, расположенного в Олонецкой Карелии, рассказывала собирателям фольклора, что женщины иногда кормили грудью детей до пяти лет чтобы избежать следующей беременности⁴⁵.

Наряду с этим «греховным» способом употреблялись и совершенно безобидные средства. Одни женщины считали, что беременность можно предотвратить обмыванием половых органов после совершения полового акта, другие опять же верили, что после близости надо просто окатить всю себя водой или, по крайней мере, смочить голову и область «под сердцем», чтобы не забеременеть. Естественно, самым простым способом был отказ от сексуальных контактов⁴⁶.

Что касается аборт, то и здесь мы не имеем практически никаких сведений. Марина Такало из деревни Оланга Беломорской Карелии, родившая 12 детей, утверждала в своих интервью, данных финскому исследователю Юхе Пентикяйнену, что «каждая женщина должна была родить свою долю». Эта доля была «указана

⁴⁴ *Naakka-Korhonen M.* Halpa hinta, pitkä mitta. Rauma, 1988. S. 78.

⁴⁵ *Keinänen M-L.* Creating Bodies. Childbirth practices in pre-modern Karelia. Stockholm, 2003. P. 94.

⁴⁶ Архив народной поэзии Финского Литературного общества KRA, SKS: Sortavala, Duodecim E 188:221, 1950; Vuokkiniemi, Duodecim E 188:313, 1950; Venäjän Karjala, Inha I. K. 206, 1894; Sortavalan mlk. Duodecim E 188:219, 1950.

свыше», и попытка каким-либо образом ее уменьшить была по мнению Такало «преступлением против порядка, установленного Богом». Очевидно, что столь категоричное мнение Марины Такало обусловлено тем, что она родилась и выросла в старообрядческой среде, где ей привили непоколебимую веру в Божью волю⁴⁷.

Высказывания Марины Такало отнюдь не означают того, что крестьянки Беломорской Карелии совершенно ничего не предпринимали для избавления от нежеланного плода. Наверняка какие-то из способов «истребления плода» были известны местным бабкам-повитухам, специалисткам по принятию родов и применялись ими время от времени. Аборты здесь вряд ли имели широкое распространение, поскольку в карельских семьях рождаемость была низкой, и потребность в избавлении от нежелательного «плода любви» возникала реже, чем в семьях с высокой рождаемостью.

В заключение можно констатировать, что в конце XIX – начале XX столетия демографический менталитет крестьян Беломорской Карелии был ближе к западному, европейскому менталитету, чем к менталитету российских крестьян-землепашцев. Карельские семьи стремились ограничиться лишь необходимым количеством детей. Статистические исследования, проведенные автором на основе метрических книг карельских приходов Кемского уезда, подтверждают, что чаще всего карельские женщины рожали от трех до шести детей. При этом один или два ребенка, как правило, умирали в младенческом возрасте. Таким образом, у многих семейных пар к концу репродуктивного периода было лишь два-три потомка.

Список литературы

Вишневский, А. Появление внутрисемейного регулирования деторождения / А. Вишневский // Воспроизводство населения СССР / ред. А. Вишневский, А. Волков. — Москва : Финансы и статистика, 1983. — 303 с.

Кон, И. Сексуальная культура в России. Клубничка на березке / И. Кон. — Москва : ОГИ, 1997. — 464 с.

Листова, Т. Обряды и обычаи, связанные с рождением и воспитанием детей / Т. Листова // Русский Север: этническая история и народная культура XII–XX вв. / ред. В. Терехов. — Москва : Наука, 2003. — С. 575–660.

Логинов, К. Семейные обряды и верования русских Заонежья / К. Логинов. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1993. — 228 с.

Миронов, Б. Социальная история России периода Империи (XVIII–XX вв.) / Б. Миронов. — Т. 1. — Санкт-Петербург : «Дмитрий Буланин», 1999. — 548 с.

Миронов, Б. Традиционное демографическое поведение крестьян в XIX — начале XX в. / Б. Миронов // Брачность, рождаемость, смертность в России и

⁴⁷ Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki, 1971. S. 315.

СССР / под редакцией А. Вишневого. — Москва : «Статистика», 1977. — С. 83–104.

Федоров, В. Мать и дитя в русской деревне (конец XIX – начало XX в.) / В. Федоров // Вестник Московского университета. — Серия 8, История. — 1994. — № 4. — С. 3–21.

Helsti, H. Kotisynnytysten aikaan: etnologinen tutkimus äitiyden ja äitiysvalistuksen konflikteista / H. Helsti. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2000. — 439 s.

Himes, N. E. Medical history of contraception / N. E. Himes. — New York : Schocken Books, 1970. — 553 p.

Hämäläinen–Forslund, P. Maammon marjat. Entisaikain lasten elämää / P. Hämäläinen–Forslund. — Porvoo: WSOY, 1987. — 279 s.

Kaukiainen, Y. Miksi kansa lisääntyi / Y. Kaukiainen // Historiallinen aikakauskirja. — 1973. — № 2. — S. 103–121.

Keinänen, M.–L. Creating Bodies. Childbirth practices in pre-modern Karelia / M.–L. Keinänen. — Stockholm : Stockholms Universitet, 2003. — 321 p.

Ketola, O. Lapsenmurhat ja lasten sekä nuorten itsemurhat Suomessa 1751–1980 / O. Ketola. — Turku : Turun yliopisto, 1989. — 79 s.

Naakka–Korhonen, M. Halpa hinta, pitkä mitta / M. Naakka–Korhonen. — Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1988. — 294 s.

Notkola, I.–L. Hedelmällisyys / I.–L. Notkola // Suomen väestö. — [Helsinki] : Gaudeamus, 1994. — S. 64–106.

Notkola, I.–L. Luonnollisesta hedelmällisyydestä lapsirajoitukseen: mikrodemografinen tutkimus hedelmällisyyden transitiosta / I.–L. Notkola. — Helsinki : Suomen väestötieteen yhdistys, 1989. — 225 s.

Pentikäinen, J. Marina Takalon uskonto / J. Pentikäinen. — Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1971. — 388 s.

Pitkänen, K. Suomen väestön historialliset kehityslinjat / K. Pitkänen // Suomen väestö. — [Helsinki] : Gaudeamus, 1994. — S. 26–68.

Pulma, P. Kerjuuluvasta perhekuntoutukseen / P. Pulma // Pulma, P. Suomen lastensuojelun historia / P. Pulma, O. Turpeinen. — Helsinki : Lastensuojelun keskusliitto, 1987. — S. 11–264.

Strömmer, A. Väestöllinen muuntuminen Suomessa. Analyttinen kuvaus syntyvyyden, kuolevuuden ja luonnollisen kasvun tähänastisesta kehityksestä ja alueellisesta vaihtelusta / A. Strömmer. — Tornio, 1969. — 188 s.